

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс

Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ рассказа **Андрея Рубанова «Первый бой тимуровца»**. Размышляя над произведением, ответьте, среди прочих, на следующие вопросы:

1. Какова центральная проблема произведения?
  2. Какие смыслы вкладывает автор в название рассказа?
  3. Как соотносятся в тексте реальная и «книжная» жизнь?
  4. Какие бытовые и психологические детали использует автор, какова их функция?
  5. В каких случаях используется ирония, как она помогает понять отношение автора к герою?
  6. Как использован в произведении прием антитезы?
- Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Андрей Рубанов

Первый бой тимуровца

Лучшее время для подвига – детство.

Мне одиннадцать лет.

Я в громадном городе, он шумит, пахнет асфальтом и дизельным выхлопом, нависает разноцветными плоскостями стен.

Очень большой город: 70 тысяч людей обитает.

Моя цель – исследовать его весь.

Всю свою бесконечную одиннадцатилетнюю жизнь я провел в деревне на двести дворов, а нынешним летом – вот, меня привезли в город.

Я живу у бабки в огромной полутемной квартире, в пятиэтажном массивном доме, в самом центре города, на главной улице.

Окна во двор, заросший кривыми огромными деревьями, с клумбой и гипсовой балериной в центре клумбы. Балерина, выполненная в натуральную величину, крашенная ярко-белой известью, с выпуклыми бедрами и грудью, смотрится развратно. Каждый мальчишка в этом дворе хоть раз, но залезал ногами в красно-желтую клумбу, чтобы потрогать гипсовую балерину за ее правильную гипсовую попу.

Дальше, тридцать шагов – хоккейная площадка с деревянными бортами, так называемая «коробка», где зимой гоняют непосредственно в хоккей, но летом используют не менее активно для футбола, команда на команду, с разным количеством охрипших атлетов в возрасте семи-двенадцати лет, с вольно трактуемыми правилами: брать мяч руками нельзя, все остальное можно.

Рядом с площадкой в серую городскую землю вбиты деревянный стол и скамейка – очевидно, по мысли проектировщиков и строителей, за этим столом должны были отдыхать участники состязаний, юные адепты хоккея и футбола. Но вышло так, что стол и скамейку под старым тополем оккупировали старшие пацаны, матерые четырнадцати- и пятнадцатилетние дядьки, часто с подругами, как юными, так и совсем взрослыми одутловатыми бабами.

Пока малолетки гоняют мячишко, старшие пацаны сидят, сутулятся, покуривают, опасно щурятся и пересмеиваются матерно.

К концу длинного июньского дня, под темноту, возникает магнитофон или гитара, Сигаретный дым – наждачный болгарский табачок развитого социализма, «Родопи», –

становится гуще, а голоса ниже. Загораются желтые фонари, ложатся плотные тени. Но в огороженной высокими бортами «коробке» продолжается турнир: насквозь потные, усталые спортсмены доигрывают бесконечный 17-й тайм, в ожидании, пока взрослые не придут, не позовут домой, ужинать и спать.

Темнеет. Листва выглядит тяжелой, черно-зеленой, шевелящейся самостоятельно. Со всех сторон загораются окна, в пять высоких рядов. Старики прибавляют громкость своих телевизоров: не дай бог пропустить какую важную новость; в мире нестабильно, война назревает, администрация Джимми Картера коварно увеличивает военные ассигнования. Доносятся запахи тушеной капусты, жареной картошки, куриного супа, селедки, самогона.

Но игроки продолжают изнурительное состязание.

Когда темнота сгущается до чернильной густоты, какой-нибудь старший пацан, длинноволосый, а-ля Гойко Митич, вдруг выпрыгивает на игровое поле, оторвавшись от стола и от приятелей; гибкий, в расклеванных джинсах, на каблуках, шикарный, взрослый, стройный, с сигаретой, зажатой меж пальцев. «Пас!» – коротко требует он, размахивая сигаретой. И получает мяч, и наносит мощный удар по воротам, смеется, пыхает скверным серым дымом и возвращается к своим.

Звякает там бутылочное стекло, и доносится магнитофонная музыка, твердая, ритмичная, серьезная музыка, какую никогда не услышишь по телевизору.

Если взрослый пацан с сигаретой выпрыгивает на площадку, ему тут же отдают мяч.

Мне одиннадцать лет, и, если мяч у меня – я тоже откатываю его взрослому пацану. Я уже две недели живу в городе, знаю здешние правила и обычаи. Между мною и взрослым пацаном – пропасть длиною во многие бесконечные годы. Взрослый пацан живет в другом мире. Пройдут эпохи и эпохи, прежде чем из своего четвертого класса я попаду в восьмой и буду, как настоящий взрослый пацан, сидеть на лавке и слушать магнитофон, завывающий хрипло и волшебю.

Город меня возбуждает и завораживает, я в нем тону. В деревне не было кинотеатров с афишами высотой в два человеческих роста, и магазинов с огромными стеклянными витринами, и книжного магазина с сотней полок в четыре яруса, и, наконец, главного: толпы, бесчисленных незнакомых физиономий.

Знакомиться я не умею, вообще. Лишен этого навыка. В моей деревне все друг друга знают, взрослые колотят копейку в одном колхозе, дети учатся в одной школе. Не с кем знакомиться! Здесь – надо посмотреть в глаза, сдержанно кивнуть, имя свое назвать, плечи развернуть, руку пожать крепко, и какие-то слова еще произнести, чтоб заинтересовать или к себе расположить, лучше всего пошутить, завернуть анекдот.

На такое я не способен.

У меня друзей нет, я чужой, временно приехавший мальчишка из дома номер 8.

В игру меня берут, не спросив имени. «Пацан, играть будешь?» «Буду!» – и занимаю позицию левого хавбека.

Играем три, четыре, пять часов, пока из темноты не появляется, в халате и тапочках, старшая сестра владельца мяча: владелец уходит вместе с мячом, матч завершен.

Друзей нет, но ничего, дома у меня книги. А по телевизору – вторая серия «Капитана Немо». А я, хоть и деревенский, но ловок и хитер: у меня под рукой первоисточник, внимательно прочитанный и перечитанный роман Жюль Верна «20 тысяч лье под водой», и я получаю двойное удовольствие, сравнивая кинематографический подводный корабль загадочного капитана - и его литературный прообраз.

Конечно, кино выигрывает: мигающий цепочками огней, полутемный, извилистый, клаустрофобический телевизионный «Наутилус» смотрится внушительней, нежели его литературный собрат.

Впрочем, оба великолепны.

Мои одиннадцать лет шумят в моих оттопыренных ушах одиннадцатью голосами, и для меня великолепно все: и большой телевизор, и большая, сумрачная квартира, и большой город, и большое, изумительно большое лето впереди, множество жарких, солнечных, бесконечных

дней. А за этим летом другое лето будет, и потом еще лето, вся жизнь впереди, невероятное изобилие солнца, света, книг, футбола, изумрудных вечеров и великих героев, сжимающих штурвалы сверхмощных кораблей.

Но постепенно капитан Немо надоедает: он слишком угрюмый, и в каждой главе норовит слишком подробно объяснить профессору Аронаксу устройство подводного корабля, – поэтому я откладываю Жюль Верна и беру Аркадия Гайдара.

Настоящий ценитель литературы всегда читает две-три книги одновременно.

У Аркадия Гайдара страсти кипят не в глубинах мирового океана, а здесь, рядом, по соседству, в ближайшей квартире. У Аркадия Гайдара дети живут в мире взрослых, и вместе со взрослыми делают одно дело. И главный герой Аркадия Гайдара – не взрослый дядька, обитатель корабля-призрака, трагический гений, а такой же пацан, как я. Мальчишка. И он ни в чём не уступает взрослым. Отчаянный и твёрдый. Бесстрашный.

И у него, бесстрашного мальчишки, всегда есть конкретный враг, злой и гнилой оппонент.

А мне уже одиннадцать, и я теперь всё чаще выбираю Гайдара: он ясный и прямой, у него зло персонифицировано – всегда есть отвратительные буржуины, подкупающие детей бочкой варенья и корзиной печенья, или Мишка Квакин, подлец и козёл, через два «з».

И я, глядя поздним вечером из просторного окна на синий двор, на чёрно-зелёные купола деревьев, примерно понимаю, что Аркадий Гайдар – достаточно серьёзный, любопытный писатель, создавший особенный мир, где все живут ожиданиями войны всемирной бойни.

Я открываю его самую знаменитую книгу, повесть «Тимур и его команда».

«Вот уже три месяца, как командир бронедивизиона полковник Александров не был дома».

Я читаю дальше и погружаюсь в тот, особенный, Гайдара космос, где все ждут войны, где война уже полыхает по краям цивилизации и вот-вот должна полыхнуть в центре, где мужчины ходят в серых тяжёлых шинелях и грубых сапогах, худые, серьёзные, чисто выбритые и перетянутые кобурами.

Пишет он не слишком ловко, этот Аркадий Гайдар. Но мне, конечно, на мелочи наплевать. Меня не коробит фразы вроде «очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть». Я ценю другое: грозную атмосферу, плотность эпохи.

В этом мире выживают и торжествуют только герои, титаны, атланты, только самые сильные, крепкие и уверенные люди, комиссары, командиры, каменные, негибачаемые, непобедимые существа.

Но я понимаю и то, что действие повести про смелого Тимура развивается в некоем высшем обществе, в дачном посёлке близ столицы страны, в ароматных яблоневых садах, где дома увиты плющами и обнесены просторными верандами. В загородных имениях высокопоставленных военных, дивизионных командиров, генералов, то есть.

В моей семье генералов не было, и в те же самые, описанные Гайдаром, тридцатые годы, согласно рассказам моей бабушки, люди в подмосковных деревнях ели траву и варили кору деревьев, чтобы выжить. И я вникаю в Гайдара с недоверием и осторожностью: понятно, что знаменитый советский писатель о многом умолчал. Развивал только те сюжеты, которые разрешала партия. Про смелых красных командиров и их детей; о том, как и те, и другие дерутся за правду.

После полуночи бабушка приходит и твёрдой рукой выключает свет. У бабушки с матерью уговор: не позволять внуку – мне – никаких полных чтений, чтоб не портил глаза; если не пресечь вовремя, будет читать хоть до утра.

Однако под одеялом у меня давно припрятан фонарик, я укрываюсь с головой и продолжаю.

Тимур – отважный паренёк – создаёт в дачном посёлке отряд самообороны, организованный по всем новейшим правилам военного дела. Боевые действия ведутся против банды хулиганов, возглавляемой Мишкой Квакиным. Под защиту тимуровцев взяты дома и дачные участки красных командиров и рядовых солдат. На заборах рисуются пятиконечные

звёзды: знак неприкосновенности. Такие участки хулиганы должны обходить стороной, яблонь по ночам не трясти и по мелочи не обворовывать. Число красных командиров, воюющих с фашистами, велико, красные звёзды появляются на множестве заборов, Мишка Квакин недоволен, но Тимур твёрдо стоит на своём и в конце концов побеждает.

Прекрасные, оригинальные имена у тимуровцев: одного звали Сима Симаков, другого Коля Колокольчиков, третьего – Гейка. Но и злодеи не уступают в живописности: ближайший помощник главаря банды имеет смешное прозвище «Фигура».

Помимо открытых сражений с хулиганами, команда Тимура занималась добрыми делами, благотворительностью, причём непременно тайной. Пока один член группы отвлекал хозяев дома болтовнёй, другие быстро и бесшумно собирали дрова в поленницу и носили воду из колодца. Эта часть походов Тимура кажется мне странной, неправдоподобной. Никто из моих друзей и приятелей не верил в столь экстравагантные проявления пионерского благородства, – но я верил сам и доказывал прочим. Очевидно, что отряд Тимура был прежде всего военным подразделением, и тимуровцы – Гейка, Коля Колокольчиков и прочие – не только совершали добродетели, но и тренировались для будущих разведывательных рейдов в фашистские тылы. Взвод тимуровцев существовал секретно, подпольно, словно не в дачном посёлке, а во вражеском окружении!

Вот в такие тяжёлые условия поставил тринадцатилетний Тимур свою команду.

Ну и, наконец, я полагал, вслед за Тимуром, что наивысшая степень благородства и чистоты души заключается именно в том, чтобы делать добро анонимно, без похвалы, без благодарности.

Если делать за похвалу – это уже получается не добро, а какая-то торговля. Капитан Немо, допустим, тоже действовал скрытно, себя не афишировал. Одних бедняков спасал от смерти, другим дарил дорогостоящие жемчужины И всё – молча, без разговоров.

Батарейка в фонарике понемногу садится; решаю сэкономить энергию, выключаю свет, закрываю бережно книгу и откладываю.

Но сон не идёт.

Конечно, рассуждаю я, удобнее устраивая под затылком твёрдую, маленькую бабкину подушку и руки за голову; Тимур – взрослый парень, ему уже тринадцать, а мне всего одиннадцать. Большие дела мне пока не по плечу. Бесконечные два года пройдут, прежде чем мой позвоночник удлинится и руки окрепнут. Ничего не поделаешь, надо ждать. Изучать мир, всё вокруг себя, облазить каждый овраг, исследовать каждую улицу.

Я лежу, смотрю в тёмный потолок, жду своего будущего, предошущаю его.

На стене висят часы. С боем, огромные как рояль; они звонко тикают и величественно отбивают каждую четверть часа.

Они гудят столь громко, что кажется – весь дом бы проснулся, все квартиры на всех пяти этажах. Но дом спит беспробудным пролетарским сном.

Первая смена на заводе – в восемь утра. Весь город просыпается в шесть ноль-ноль.

Все спят, всем с утра на работу.

Не спят только такие, как я, – дети, школьники; наслаждаются законными летними каникулами, ничего не делают, гойдают, пластают, лазят, гоняют мяч, счастливо транжирят счастливое детство в самой счастливой стране планеты Земля.

Я встаю с кровати; спать совсем не хочется, наоборот: возбуждение заставляет меня отодвинуть штору и посмотреть в окна напротив: дома стоят близко, и мне виден свет на двух или трех кухнях, и серые человеческие фигуры под желтым электрическим светом. Во многих квартирах живут старики – они не спят. Я наблюдаю чужой лаконичный стариковский быт. В одном окне сутулый и длиннорукий, похожий на сосредоточенную обезьяну человек в безразмерных черных трусах жадно пьет из железного чайника, в другом окне старуха в халате помешивает мутовкой в облупленной кастрюле.

Увы, они не принадлежат к миру героев Гайдара. Как и я. Тот мир был давно, он в прошлом. Фашисты побеждены, люди сняли шинели и зажили мирно и медленно.

Новое утро нового дня вкатывается, как маслянистое яблоко из подмосковного дачного сада.

По утрам я в футбол не играю – совершаю пешие походы по городу. Город должен быть изучен. Тимур, командир собственной команды, придавал знанию местности первостепенное значение.

Хожу один, рассматриваю, в каждую щель и дыру засовывает нос.

У дверей хлебного разгружают машину, таскают лотки со свежими буханками. В следующем дворе возле парикмахерской коричневый человек в замасленном фартуке правит ножницы на переносном, элементарно устроенном точильном станке; сапогом надавливая на педаль, приводит во вращение круглый камень. Из-под лезвия с визгом летят густые искры. Закончив работу, человек снимает фартук и складывает свой станок, вешает на спину, укрепляет на спине широким засаленным ремнем и уходит, шаркая; и только когда уходит – становится виден его возраст. Лет семьдесят, с, этому коричневому человеку, а когда работал – выглядел молодым.

Другая улица, другой двор; грузные пожилые женщины, собранные клубом, на скамьях и вынесенных из квартиры табуретах, играют в лото, зычно пересмеиваясь.

Третья улица, четвертая; повсюду люди наслаждаются жизнью, летом, солнцем, чистотой, пивом, семечками, телевизорами, посиделками, черным и белым хлебом.

В середине пятой улицы, в местах, совершенно мне неизвестных, из-за угла выбегают двое мальчишек. Ниже ростом, но крепче и резче в движениях.

Коротко стриженные, с серыми круглыми лицами, острыми носами и оттопыренными ушами. Оба в старых растянутых свитерах с горлом; длинные тонкие шеи торчат из шерстяных горл, как стебли одуванчиков, смешные и немного позорные.

Они приближаются, я смотрю на них и думаю, что в жизни не носил таких растянутых ветхих свитеров со столь уродливыми геометрическими рисунками.

Они подходят – и первый сильно бьёт меня ладонью в плечо. У него глухой, сорванный голос.

– Деньги, быстро!

Они мои ровесники или даже младше.

Второй ничего не сказал, ударил кулаком в губы и нос. Удар не сильный, но резкий, решительный, обидный.

От неожиданности я тут же разрыдался.

– Мелочь давай! Быстрей!

Денег у меня не было, откуда. У обоих серые, твёрдые, взрослые лица. Но деталей я уже не вижу, слёзы застилают глаза.

Я не знаю, что делать, нападение слишком стремительно, удары слишком жестоки.

К счастью, появляется случайный человек, женщина в приличной одежде со строгим лицом, из тех самых женщин, которые никогда не пройдут молча мимо очевидного безобразия.

– Эй, – кричит она решительно, – вы что это к мальчишке пристаёте?

Нападающие немедленно и бесшумно исчезают. Я продолжаю рыдать – к счастью, молча, сдерживая звуки в горле и опустив лицо, чтоб никто не видел. Женщина что-то говорит мне, спрашивает или советует, но я ничего не слышу, ухожу, мне стыдно перед ней за свои слёзы, за своё мгновенное унижительное поражение.

Но, пока возвращаюсь домой, через все пять улиц, понемногу успокаиваюсь. Перед женщиной уже не стыдно, – только перед самим собой. Конечно, сам виноват. Надо было стоять твёрже. Как Тимур перед Мишкой Квакиным. И бить в ответ. Правда, их было двое, они бы мне сразу навешали.

Короче говоря, тимуровец из меня пока плохой. Сам себя защитить не смог.

Но ничего, думаю я, всхлипывая и вытирая мокрые щеки. Ничего. Мне всего одиннадцать. Я еще найду свою команду.

Андрей Рубанов – современный российский писатель, автор романов «Патриот», «Готовься к войне», «Финист – ясный сокол». Лауреат премий «Национальный бестселлер» и «Ясная поляна», финалист премии «Большая книга».

Выполните целостный анализ стихотворения **Михаила Светлова «Рабфаковке»***. Анализируя стихотворение, попытайтесь ответить, среди прочих, на представленные ниже вопросы.

1. Обратите внимание на обращения лирического героя к рабфаковке. Как они формируют эмоциональный фон стихотворения?
2. Как соотносятся в произведении прошлое и настоящее?
3. Почему так важны в тексте бытовые детали?
4. Обратите внимание на эпитеты. Какова их роль?
5. Какие со- и противопоставления использованы? Осмыслите их функцию.
6. Каково отношение автора к героине?

Михаил Светлов

Рабфаковке

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, –
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, –
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, –
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), –
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала, – под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,

Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку открыл,
Не задев остального зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

1925

Михаил Аркадьевич Светлов родился 17 июня 1903 г. в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) в бедной семье. В 1919 вступил в комсомол. В 1920 г. служил в Красной Армии в Первом екатеринославском территориальном пехотном полку, созданном для борьбы с окрестными бандами (украинскими повстанцами). В начале 1920-х гг. уехал в Москву, окончил Высший литературно-художественный институт им. Брюсова. В годы Великой Отечественной войны служил военным корреспондентом, дошел до Берлина.

* Рабфак (рабочий факультет) – подготовительное отделение в вузе для рабочих и крестьян. Советская власть стремилась создать новую, рабоче-крестьянскую, интеллигенцию, противопоставляя ее прежней, дворянской и буржуазной. Однако учиться в институтах представители «трудовых» классов без предварительной подготовки не могли, так как зачастую не имели среднего образования. Для тех, кто хотел учиться, но не имел достаточных знаний, и были созданы рабфаки.

Творческое задание

Известный режиссер собирается снять фильм по мотивам любимого Вами произведения.

Задание 1. Какие сцены, как Вы полагаете, он выберет для экранизации? Докажите, что предложенные отрывки лучше всего передают смысл произведения в целом. Объясните, почему сцены с участием именно этих героев составляют «ядро» произведения.

Задание 2. Вы художник по костюмам в этом фильме. Как Вы «оденете» актеров, исполняющих роли героев произведения? Костюмы должны быть связаны с эпохой, о которой идет речь, и в то же время передавать характер человека.

Объем ответа – 150-200 слов.